

MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 930.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-4-0-12

Пенской В. В.

Шестьдесят лет спустя: о книге А.Ю. Прокопьева
«Тридцатилетняя война»

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы,
д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskoy@bsu.edu.ru

Аннотация. Тридцатилетняя война 1618–1648 гг., один из крупнейших военных конфликтов раннего Нового времени, с давних пор привлекает к себе внимание историков. В западноевропейской историографии к настоящему времени сложилась мощная традиция изучения этого важного события европейской истории, которое принято считать поворотным моментом в истории континента. Вместе с тем, хотя в России традиция изучения Тридцатилетней войны насчитывает довольно давнюю историю, отечественные историки обращаются к ней весьма редко. Если в советское время вышло хотя бы несколько работ, посвященных этой теме, то постсоветский период развития отечественной историографии не может похвастаться и этим. Новая книга Санкт-Петербургского историка А.Ю. Прокопьева заполняет этот досадный пробел, представляя собой значительный шаг вперед по сравнению с предыдущими отечественными исследованиями на эту тему. В статье рассматривается структура рецензируемой работы, кратко характеризуется содержание, основные положения и выводы, полученные автором книги в процессе изучения проблемы.

Ключевые слова: раннее Новое время; Священная Римская империя; Тридцатилетняя война; Вестфальский мир

Для цитирования: Пенской В. В. Шестьдесят лет спустя: о книге А.Ю. Прокопьева «Тридцатилетняя война» // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 111-127. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-4-0-11

V. V. Penskoj

Sixty years later: about the book by A. Y. Prokopiev “The Thirty Years' War”

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russia;
penskoy@bsu.edu.ru

Abstract. The Thirty Years' War of 1618-1648, one of the largest military conflicts of early modern times, has long attracted the attention of historians. By now, West-

ern European historiography has developed a strong tradition of studying this important event in European history, which is considered to be a turning point in the history of the continent. At the same time, although the tradition of studying The Thirty Years' War has a fairly long history in Russia, domestic historians turn to it very rarely. While there were at least a few works devoted to this topic in the Soviet period, the post-Soviet period of development of Russian historiography cannot boast of this. A new book by the St. Petersburg historian A.Yu. Prokopiev fills this unfortunate gap, representing a significant step forward compared to previous domestic studies on this topic. The article discusses the structure of the reviewed work, briefly describes the content, the main provisions and conclusions, obtained by the author of the book in the course of the study of the problem.

Keywords: Early Modern; Holy Roman Empire; Thirty Years' War; Peace of Westphalia

For citation: Penskoj V. V. (2020), "Sixty years later: about the book by A. Y. Prokopiev 'The Thirty Years' War'", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6 (4), 111-127, DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-4-0-12

В 1961 г. увидела свет небольшая (меньше двухсот страниц) книга-пособие для учителей под авторством В.М. Алексеева «Тридцатилетняя война» (Алексеев, 1961). На многие десятилетия она стала единственной более или менее доступной работой, из которой неискушенный отечественный читатель мог почерпнуть сведения о Тридцатилетней войне 1618–1648 гг. – грандиозном военном конфликте, втянувшем, прямо или косвенно, в свое русло едва ли не все сколько-нибудь значимые европейские государства. Внимательный читатель может вспомнить и более старую монографию О.Л. Вайнштейна «Россия и Тридцатилетняя война 1618–1648», вышедшую из печати в далеком 1947 г., и более свежую работу на ту же тему – «Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства» Б.Ф. Поршнева (Вайнштейн, 1947; Поршнев, 1976). Однако нетрудно заметить, что две последние работы затрагивают лишь один, и не самый важный, аспект этого конфликта. Так что, без преувеличения, на протяжении многих десятилетий интересующиеся историей Тридцатилетней войны могли рассчитывать лишь на знакомство с упомянутым выше популярным очерком

В.М. Алексеева, если не считать страниц, отведенных под описание отдельных военно-исторических сюжетов, связанных с войной 1618–1648 г., в неоднократно переиздававшихся классическом исследовании Г. Дельбрюка и в классической же «Истории военного искусства» Е.А. Разина (Дельбрюк, 1997; Разин, 1999).

За минувшие десятилетия история как наука и ее методология сделали огромный шаг вперед, и все названные выше работы (равно как и вышедшие в те годы отдельные статьи, затрагивавшие историю этой войны), безусловно, устарели. Сегодня они представляют по преимуществу лишь историографический интерес. Как результат, история Тридцатилетней войны 1618–1648 гг., как политическая, так и военная, в отечественной историографии остается практически *terra incognita*, особенно на фоне бесчисленной литературы об этой войне, которая с завидной регулярностью выходит на Западе.

Светлым пятном на этом в целом безрадостном фоне стало новое исследование Санкт-петербургского историка А.Ю. Прокопьева «Тридцатилетняя война» (Прокопьев, 2020), вышедшее в серии «Библиотека всемирной истории», издаваемой издательством «Наука» в Санкт-

Петербурге. Эту работу можно считать своего рода логическим продолжением и завершением предыдущей книги историка о Германии второй половины XVI – начала XVII в. (Прокопьев, 2008), а также соответствующих разделов во «Всемирной истории», изданной под эгидой Института всемирной истории РАН (Прокопьев, 2013). К этому списку можно добавить также большую статью автора «Тридцатилетняя война под взглядом политолога» (Прокопьев, 2018), представляющую собой рецензию на исследование немецкого историка и политолога Х. Мюнклера «Der Dreissigjahrige Krieg. Europäische Katastrophe, Deutsches Trauma 1618-1648» (Munkler, 2017), вышедшее в Берлине в 2017 г. (в канун четырехсотлетия начала Тридцатилетней войны). Все вместе они позволяют составить более или менее полное представление об истории Тридцатилетней войны и тех основных тенденциях в ее изучении, которые сложились к настоящему времени в западной (по преимуществу немецкой) историографии.

Чем интересна эта работа помимо того, что она написана на тему, которой отечественная историография не уделяла должного внимания¹, и почему на нее стоит обратить внимание? Сам автор в кратком введении отметил, что «память [историческая. – В.П.] давно уже стала предметом исследовательских [если бы только исследовательских! – В.П.] споров», и в этом отношении «феномен “мемории” Тридцатилетней войны как раз дает прекрасный материал для анатомии представлений о давно ушедшем прошлом», ибо «каждое новое поколение, каждая новая эпоха пытались смоделировать свое видение событий». Само собой, нынешняя эпоха не могла не попытаться сделать это, поскольку «новые подходы в самой исторической науке, рождение и успехи исторической антропологии, “атомизация” струк-

турного метода, опыт междисциплинарных штудий резко расширили горизонты [исторических исследований – В.П.]...» (Прокопьев, 2020: 5, 6). Именно такой попыткой осмысления опыта этого грандиозного конфликта, потрясшего четыре столетия назад Европу, с учетом перемен, которые произошли в исторической науке за минувшие со времени выхода в свет популярного очерка В.М. Алексеева десятилетия, и интересна эта книга. Но обо всем по порядку.

Прежде всего отметим, что «Тридцатилетняя война» – книга не столько и не только собственно о войне, хотя, конечно, автор уделяет немало внимания ходу самих военных действий на каждом ее этапе. Делает это он аккуратно и осторожно, не вдаваясь глубоко в подробности и не впадая в «заклепочничество», но рисуя широкими мазками без преувеличения величественное батальное полотно. Забегая вперед, скажем, что описание Тридцатилетней войны в изложении А.Ю. Прокопьева в точности соответствует той характеристике, которую дал историк Дж. Линн войнам раннего Нового времени – «война как процесс», когда собственно боевые действия отнюдь не мешали дипломатам поддерживать контакты и вести тайные или явные переговоры. Вообще говоря, война у автора рецензируемой книги скорее выступает своего рода фоном, декорациями, а на передний план выступают сложные и запутанные отношения внутри имперской политической элиты и между участниками конфликта – как с германской стороны, так и со стороны тех держав, которые оказались вовлечены в эту многолетнюю драму. В этом плане «Тридцатилетняя война» представляет наибольший интерес – в конце концов, отыскать сведения о военной составляющей истории Тридцатилетней войны в век интернета не проблема, в то время как политическая ее составляющая известна у нас не в пример хуже и к тому же еще и изрядно мифологизирована и идеологизирована в прежние времена.

¹ Если не считать отдельных статей и разделов в коллективных монографиях, последняя по времени серьезная публикация вышла пять лет назад (Кризис, 2015; рецензия: Митрофанов, 2016).

Начинается «Тридцатилетняя война» несколько необычно и непривычно: автор книги в первой ее главе подвергает исследованию происхождение самого названия этого конфликта и приходит к парадоксальному, на первый взгляд, выводу: «Тридцатилетняя война», по мнению исследователя, является термином, порожденным не столько дипломатами, политиками и историками, сколько писателями и публицистами той эпохи, оказавшимися под сильнейшим влиянием античной классики. Их усилиями «Тридцатилетняя война» постепенно вытеснила более распространенные на первых порах обозначения «Немецкая война» и «Люторова война» (почему именно эти два названия были в ходу вскоре после завершения конфликта, в общем-то, понятно – и в территориальном, и в «национальном», и в религиозном смыслах эта война так или иначе вращалась вокруг проблем внутренней жизни Священной Римской империи германской нации (далее – Империи)). В общем, «окончательной формулой [определением конфликта. – В.П.] мы [...] обязаны гуманистической трактовке писателей, оказавшихся под влиянием “тацианства”», – подводит итог главы А.Ю. Прокопьев (Прокопьев, 2020: 11). Именно они «изобрели» термин «война» и «привязали» к нему определенные хронологические рамки. Здесь уместным было бы сделать небольшое отступление от темы – нечто подобное случилось и с «Ливонской войной» 1558–1583 гг. Для русских книжников – современников той войны – ее не было. Как писал А.И. Филюшкин, «для российских современников этих событий никакой Ливонской войны нет», ибо «в ранних летописях XVI–XVII вв. рассказ о событиях 1558–1563 годов не преподносится как единая кампания за прорыв к Балтийскому морю и завоевание Прибалтики», но есть «перечень походов и международных переговоров, не имеющий подчеркнутых хронологических рамок или этапов» (Филюшкин, 2010: 12). Можно сделать вывод, что «Ливонская война» была «сконструирована»

позднейшими историками, которые и дали ей название, и определили ее временные рамки.

Вторая глава «Тридцатилетней войны», существенно превышающая по объему первую, посвящена не менее любопытной проблеме – эволюции восприятия Тридцатилетней войны в сознании западноевропейского общества. В этой эволюции, указывает А.Ю. Прокопьев, можно выделить ряд основных этапов. Первый охватывает промежуток времени с середины XVII до конца XVIII в., когда интерес к Тридцатилетней войне носил «исключительно слабый, фрагментарный характер». В итоге, продолжает он, «между датой подписания Вестфальского мира и, условно говоря, выходом в свет “Истории Тридцатилетней войны” Фридриха Шиллера (1791–1793) попадают лишь единичные трактаты, посвященные войне как цельному событию» (Прокопьев, 2020: 12). В тех же сочинениях, в которых поднималась тема войны, Вестфальский мир как восстановление старого порядка и стабильности противопоставлялся тяготам войны, сопоставлялись «величие мира, гарантировавшего согласие и право, и ужас войны, грозившей растоптать общественные ценности...» (Прокопьев, 2020: 13). Ситуация меняется с появлением «Истории Тридцатилетней войны» Ф. Шиллера, который попытался, и не без успеха, задать тон в освещении этого конфликта. «Поразительно, но схема изложения, набросанная Шиллером, оставалась почти неизменной вплоть до XX в.», – отмечает А.Ю. Прокопьев (Прокопьев, 2020: 14).

Новый, «национальный» этап в освещении истории войны начинается в эпоху наполеоновских войн и пробуждения германского национального чувства, что подчеркивает автор «Тридцатилетней войны»: «Отторгая республиканские идеи Французской революции, немецкая общественность и властная элита оказались тем не менее восприимчивы к мифу “нации” и “национального государства”, порожденного революцией» (Прокопьев, 2020: 14–

15). Здесь стоит отметить, что А.Ю. Прокопьев – «немецкоориентированный» исследователь: он смотрит на эту войну через «немецкие очки», задействуя историографическую традицию описания Тридцатилетней войны, сложившуюся в других странах, прямо или косвенно участвовавших в ней, в существенно меньшей степени. С одной стороны, это оправданно, ибо война велась преимущественно на немецкой земле и в значительной степени руками самих немцев и на их средства, и кому как не немецким историкам должно принадлежать первое слово в исследованиях истории «Немецкой войны». С другой же стороны, такой подход ставит исследователя в определенную зависимость от результатов, полученных германскими специалистами, и лишает его преимуществ позиции «внезаходности».

Возвращаясь к характеристике немецкой историографии XIX – начала XX в., которую дает А.Ю. Прокопьев, отметим, что автор выделяет в ней две традиции: «великогерманскую», которую условно можно назвать «австро-католической», и «малогерманскую», «пруско-протестантскую». Первая школа исходила из того, что Тридцатилетняя война стала неудачной попыткой ускорить процесс объединения Германии под скипетром императора, и неудача эта была обусловлена эгоизмом и партикуляризмом имперских протестантских князей. Вторая же традиция, напротив, подчеркивала, что борьба шла «во имя свободы сословий, национальной консолидации против Рима и слабеющей короны Габсбургов», и будущее было не за Габсбургами, а за новой силой – той же Пруссией. Но и та, и другая традиции сходились в том, что Тридцатилетняя война стала трагедией для германского народа и германской государственности и заложила основы французской гегемонии в Европе – «на немецкой крови и немецком пепелище» (Прокопьев, 2020: 15, 16). Нетрудно заметить, что изучение истории Тридцатилетней войны уже тогда попало в зависимость от политической борьбы и

политической конъюнктуры, продолжив традицию, заложенную еще протестантской и католической публицистикой XVII в.

Эта зависимость от расстановки политических сил исследований, связанных прямо или косвенно с историей Тридцатилетней войны, прослеживается и дальше, в межвоенное и в особенности в послевоенное время. «Политика не ушла из истории, сама история очередным разом приспособливается к политике», – пишет А.Ю. Прокопьев и далее отмечает, что после 1945 г., в изменившихся политических условиях, на повестку дня встала задача создания политической системы, которая закрепила бы итоги Второй мировой войны и способствовала созданию единой Европы. Этот политический настрой сказался и на развитии историографии Тридцатилетней войны, которая вышла за узкогерманские рамки и чем дальше, тем больше рассматривается в общеевропейском контексте. При этом изучение истории этого конфликта не осталось в стороне от модных методологических веяний. «С конца 70-х гг. центр тяжести исследований все больше смещался в сторону отдельных социальных групп и институтов власти», – отмечает автор «Тридцатилетней войны». Развивая свой тезис дальше, он подчеркивает, что результатом такого смещения фокуса внимания исследователей «стала “реабилитация” самой Старой Империи как сложной системы, развивавшейся по всем правилам сословного общества, которые не могут быть адекватно истолкованы простым наложением критериев государственности XIX в.» (Прокопьев, 2020: 21).

Последнее замечание представляется нам чрезвычайно важным, ибо снова ставит вопрос о допустимости применения подходов, характерных для ницшеанской «критической» истории, внутри которой человек, по словам немецкого философа, «привлекает прошлое на суд истории, выносит ему приговор», причем «не справедливость здесь творит суд и не милость диктует приговор, но только жизнь как

некая темная, влекущая ненасытно и страстно сама себя ищущая сила». Как результат, «ее приговоры всегда немилостивы, всегда пристрастны, ибо они никогда не проистекают из чистого источника познания» (Ницше, 1990: 178). Между тем, как показывает автор «Тридцатилетней войны», попытка реабилитировать Империю, увидеть в ней живой и развивающийся организм, способный реагировать на внешние перемены и, изменяясь, приспосабливаться к меняющемуся миру и продолжать жить дальше, не нашла должной поддержки. Эта перспектива оказалась заслонена другими, более «модными». «На рубеже веков свершился замечательный переворот», – пишет А.Ю. Прокопьев, – «если одной своей стороной споры замкнулись глобальными концептами, то другой – “провалились” вниз и оказались на этажах антропологических опытов» (Прокопьев, 2020: 23).

В итоге образ Тридцатилетней войны все более и более размывается, теряется перед лицом, с одной стороны, глобальных обобщений, а с другой стороны, мельчающих и дробящихся частностей, из-за которых не видно целого. «Корректным признается лишь общеевропейский взгляд, – отмечает исследователь, – глобальный охват или, по крайней мере, констатация широты охвата: первая “асимметричная война”, противостояние свободы и тирании, толерантности и нетерпимости. Вплоть до ярлыка “первой мировой войны”» (Прокопьев, 2020: 25). Впрочем, на протяжении развития исторической науки такое уже случалось, и не раз, так что можно ожидать, что в будущем маятник вновь качнется в сторону более или менее традиционного описания истории Тридцатилетней войны – конечно же, с учетом наработок последних десятилетий. Но пока маятник не начал свое движение, мы продолжим анализировать работу А.Ю. Прокопьева.

Третья глава «Тридцатилетней войны», «Новые войны по старым правилам», посвящена характеристике войн раннего

Нового времени, подготавливавших наступление Тридцатилетней войны как своего рола их апогея, как политического, социального и культурного феномена. «К началу XVII в. в Европе отчетливо вырисовывались четыре переплетенные друг с другом большие зоны напряженности», – пишет А.Ю. Прокопьев (Прокопьев, 2020: 26), и первой из них был конфликт между французскими Валуа и династией Габсбургов, представители которой занимали троны Испанской Империи. Другой конфликт развернулся на северо-западе Европы, где Испания пыталась подчинить себе мятежные Нидерланды, и этой войне, начавшейся еще в 60-х гг. XVI в., не было видно конца. На северо-востоке Европы, на Балтике, завязался тугий узел противоречий из-за наследства «больного человека Европы», Ливонской конфедерации. Наконец, на юго-востоке Европы с перерывами продолжалась борьба двух империй, Священной Римской и Османской. Мы бы добавили к этому еще и противостояние между миром ислама и христианским миром на Средиземном море и его берегах – борьбу, изматывавшую обе стороны (и именно благодаря тому, что внимание Испании все время отвлекалось на это противостояние, взбунтовавшимся Соединенным провинциям удалось в конце концов отстоять свою независимость от Мадрида).

В этих войнах не только выковывалась новая тактика и стратегия, связанная с «пороховой революцией» (о которой упоминает и автор «Тридцатилетней войны», особо не углубляясь в споры вокруг этого феномена европейской военной истории раннего Нового времени, – и это, на наш взгляд, правильно, ибо один только анализ историографии проблемы займет немало страниц) – эти вопросы издавна являются предметом пристального изучения историков и «в погонах», и «в штатском». Но стоит обратить особое внимание на ту трактовку причин войн этой эпохи, которую дает А.Ю. Прокопьев. Он, в частности, отмечает, что «причины конфликта формировались традиционной средой,

нормативами и правовыми представлениями, восходившими еще к Средневековью». Отсюда проистекает и конечная цель войны, которая, по мнению исследователя, состояла в том, чтобы восстановить старый добрый порядок, нарушенный статус и репутацию включившихся в конфликт «чинов». Следствием этого стремления к реставрации старины стала, отмечал автор, «небывалая для современного мира длительность споров, их подчас крайне рваный ритм, комбинация активных и пассивных фаз, замораживание или забвение на определенных этапах и новое возгорание на последующих» (Прокопьев, 2020: 29, 30).

Тезис этот представляется небезынтересным и заслуживающим дальнейшей разработки, хотя, по нашему мнению, он все равно дает довольно однобокое объяснение «рваному» ритму войн эпохи раннего модерна. Безусловно, ментальные установки оказывали серьезное воздействие на мотивы действий участников конфликта, но не меньшее влияние имели и сугубо материальные факторы (на что, кстати, указывает сам А.Ю. Прокопьев, анализируя ход военных действий в 1618–1648 гг.) – хотя бы степень наполнения государственной казны. Знаменитая фраза «*Rescunia nervus belli*»² именно в эту эпоху, как никогда прежде, отражала главную проблему, удовлетворительно решить которую не мог никто из участников отмеченных выше конфликтов. «*Point d'argent, point de Suisse*»³, нет и возможности продолжать войну и добиваться восстановления поправленной справедливости и «старинности», а значит, противоборствующие стороны волей-неволей вынуждены были пойти на снижение уровня военной активности до тех пор, пока не будут сысканы пресловутые «ресунии». Процесс этот порой превращался для раннемодерных монархов Европы (да и не только для них) в весьма замысловатый «квест» еще и потому, что, с одной стороны, упомянутая «пороховая

революция» способствовала резкому скачку военных расходов, а с другой стороны, способы наполнения королевской казны оставались прежними, средневековыми. Такие «ножницы» в конечном итоге в немалой степени поспособствовали тому, что война в «долгий XVI век» (Тридцатилетняя война как раз приходится на его завершающую фазу) обретает тот самый характерный «рваный» ритм и превращается в «процесс» (Lynn, 2002: 33), растягивающийся порой на десятилетия (как в 1618–1648 гг.).

Стоит также отметить и другой, не менее интересный тезис автора «Тридцатилетней войны». Он отмечает в своей работе, что «Тридцатилетняя война началась в момент, когда ведущие монархи Европы вложили клинки в ножны и общество, казалось, вкушало плоды мира и благоденствия», так что «как бы ни хотелось сторонникам глобализации связать воедино трагедию 1618 г. с конфликтными зонами в других уголках Европы, прямые связи провести здесь едва ли удастся» (Прокопьев, 2020: 34). Действительно, после убийств Генриха IV Франция погрузилась в пучину внутривосточного кризиса, и ей явно стало не до войны с Империей, так называемая Долгая война с турками закончилась в 1606 г., а в 1609 г. как будто подошел к концу и конфликт между Голландией и Испанией. Оставалась Восточная Европа, но ее проблемы меньше всего волновали императора и имперских князей (как показал опыт Ливонской войны 1558–1561 гг.), и уж тем более королей Испании, Франции и Англии. Все ведет к тому, что причины Тридцатилетней войны нужно искать прежде всего внутри самой Империи, и именно об этом А.Ю. Прокопьев и рассуждает в четвертой главе своего исследования.

Характеризуя внутреннее устройство Империи и ее статус среди других государств Европы накануне конфликта, А.Ю. Прокопьев подчеркивает их сложность и неоднозначность. С одной стороны, Империя к началу XVII в. представля-

² «Деньги – нерв войны». – *Прим. ред.*

³ «Нет денег, нет швейцарцев». – *Прим. ред.*

ла собой «громоздкую лестницу иерархий», корни которой уходили в Средневековье, в ленное право. В этой сословно-иерархической системе ведущую роль играли собственно император и князья – курфюрсты прежде всего, хотя и обычные князья (точнее, княжеские фамилии), как отмечает исследователь, добились от верховной власти молчаливого признания своих прав и привилегий (и как тут не вспомнить концепцию «composite state», которую предложили Х. Кенигсбергер и Дж. Эллиотт! (Elliott, 1992; Koenigsberger, 1978)). Этот хрупкий баланс интересов верховной власти с одной стороны и княжеских фамилий с другой определял стабильность внутри Империи, и попытка нарушения его одной из сторон неизбежно вела к конфликту. Почему? Потому, пишет далее историк, что «права сословий, высшей и низшей знати считались не дарованными милостью короны, но унаследованными от добродетельных предков», и потому они «являлись прирожденной собственностью обладателя», собственностью, которую было нельзя ни отнять, ни изменить по чьему бы то ни было произволу. Более того, продолжает А.Ю. Прокопьев, император считался защитником и покровителем всей совокупности прав и свобод своих подданных, которые были готовы верно служить ему при условии, что монарх будет исполнять свои обязанности должным образом (Прокопьев, 2020: 39). Это замечание представляется нам важным, поскольку многие конфликты той эпохи были связаны именно со столкновением интересов короны и ее подданных, причем последние были убеждены в том, что раз корона нарушает их древние «вольности», то они вправе силой отстаивать свой интерес. Примером тому могут служить конфликт Нидерландов с Испанией и «Великий мятеж» в Англии, разгоревшийся тогда, когда Тридцатилетняя война постепенно шла на убыль.

Не менее важным было и другое обстоятельство, также связанное с ленным правом. А.Ю. Прокопьев указывает на то,

что на периферии Империи находились территории, «ленные права на которые (со стороны императора – В.П.) переплетались и конкурировали с аналогичными со стороны соседних монархов». Такое переплетение интересов неизбежно создавало почву для вмешательства во внутриимперские проблемы монархов соседних государств (Прокопьев, 2020: 37-38) и сыграло, в конечном итоге, немаловажную роль в разрастании масштаба Тридцатилетней войны и ее затягивании.

Помимо двух этих факторов, которые в ряду других стали причинами, приведшими к началу войны 1618–1648 гг., А.Ю. Прокопьев выделяет также и религиозный: «Противостояние между протестантами и католиками неизбежно затронуло и парализовало вертикаль большого организма» (Прокопьев, 2020: 39), сделав недействующими традиционные механизмы урегулирования внутриимперских противоречий. Попытка разрешить противоречия, осуществленная в 1555 г. в Аугсбурге, оказалась, как показывает автор «Тридцатилетней войны», незавершенной, ибо в ходе долгих и сложных переговоров компромисс был достигнут, но без учета третьей конфессии, кальвинистской. Именно это обстоятельство возымело свои трагические последствия спустя несколько столетий, когда сменилось поколение политиков, создавших Аугсбургский религиозный компромисс, а на территории Империи де-факто образовалось несколько религиозных «анклавов». Рисуя картину нарастающих противоречий внутри Империи, обусловленных неурегулированностью религиозных проблем, исследователь обращает внимание на любопытное обстоятельство: взамен переставших функционировать должным образом формализованных, легализованных традицией и правом имперских властных структур и институтов накануне войны происходит самоорганизация будущих участников конфликта – протестанты образуют Евангелическую унию, а католики – Католическую лигу, своеобразные государства в государ-

стве, с собственной кассой и войском. При этом, указывает А.Ю. Прокопьев, с самого начала руководители обоих союзов активно стали искать поддержки за рубежом, среди единомышленников.

На эти проблемы наложились и распри внутри семейства Габсбургов, которые расшатали и без того хрупкие устои порядка и стабильности в Империи. В итоге сложилась ситуация, которую можно образно назвать «идеальным штормом», сделавшим войну практически неизбежной. В этом отношении мы не согласимся с автором, который исходит из того, что, имперские «чины» в массе своей не стремились оставить худой мир ради доброй ссоры, несмотря на нарастающий вал проблем (Прокопьев, 2020: 56-57). Здесь в пору вспомнить знаменитое высказывание Барбары Такман: «Войны никто не хотел, война была неизбежна». Несколько десятилетий мира притупили чувство опасности и у имперской элиты, и у имперских «чинов»; война уже не казалась столь страшным и опасным, обоюдоострым инструментом, особенно для молодого поколения, вступившего в жизнь после Аугсбургского религиозного компромисса (поиск лигерами и униатами союзников за пределами Империи косвенно подтверждает это предположение). Таким образом, неустойчивая политическая ситуация внутри Империи была готова обрушиться от малейшего толчка, тем более что традиционные имперские институты разрешения кризисов и противоречий перестали функционировать.

Завершает эту главу А.Ю. Прокопьев следующим тезисом: названия основных этапов Тридцатилетней войны («чешский», «датский», «шведский» и «франко-шведский») отражают реалии войны, показывая тех основных врагов, с которыми приходилось иметь дело императору на каждом из этапов. «Историография последних столетий радикально исказила этот взгляд – сегодня названия этапов призваны лишь увековечить европейский характер самой войны» (Прокопьев, 2020:

59). Тем самым автор «Тридцатилетней войны» еще раз подчеркнул свою принципиальную позицию – для него война 1618–1648 гг. прежде всего внутриимперский конфликт, в котором приняли участие другие державы, преследовавшие свой интерес.

Пятая глава «Тридцатилетней войны», «От Праги до Регенсбурга: 1618–1630 гг.», касается событий начальной фазы Тридцатилетней войны, ее чешского и датского этапов. Касаясь майских событий в Праге 1618 г., автор подчеркивает, что поначалу они не воспринимались как начало войны. «Для Вены то был незаконный бунт», – отмечает он, – «бунт нуждается в укрощении, но он не порожден конфликтом между равными сюзеренами». Для чешских же сословий дефенестрация и последующие шаги организаторов этого действия были не чем иным как «желанием восстановить поправленную справедливость, законные права сословий», так что «император и король пока еще не виделись публичными тиранами» (Прокопьев, 2020: 67). И дальше исследователь выдвигает любопытный тезис: «вполне возможно, что ход борьбы не принял бы размеров общеимперской трагедии, если бы мятежники сумели быстро навязать свою волю династии или, напротив, Габсбурги смогли бы надежно заблокировать Прагу и подавить движение» (Прокопьев, 2020: 71). По всему выходит, что чешский кризис возник неожиданно, обе стороны не были готовы к дальнейшим решительным шагам, не имея в своем распоряжении необходимых для решительных действий людских и, главное, финансовых ресурсов.

На последующих страницах этой главы А.Ю. Прокопьев подробно описывает, как логика политического противостояния, вызванная действиями пражских оппозиционеров, постепенно вела к дальнейшей эскалации конфликта и его перерастанию из локального, чешского, в общеимперский с одновременным разворачиванием полномасштабных военных операций, перевес в которых оказался на сто-

роне императора и его союзников. Однако, как показывает автор «Тридцатилетней войны», эта победа очень скоро оказалась пирровой – «побежденные не чувствовали себя проигравшими», пишет он, ибо «они проиграли лишь кампанию, но их веру в справедливость дела сломить было нельзя». Как результат, война не только продолжилась, но и продолжила вовлекать в свою пучину новых участников. С окончанием «чешского» (или «богемского») эпизода войны пришел черед «датского», рассказывая о котором, историк касается и личности знаменитого имперского военачальника Валленштейна. Характеризуя его, А.Ю. Прокопьев снова подчеркивает, что «природа же его (датского периода войны. – В.П.), как и прежде, коренилась в нерешенных проблемах Германии и Империи, и именовать его “европейской войной” столь же несправедливо, как и возлагать на Данию роль главного участника [...] Немецкий театр оставался главным, равно как решающим было и противостояние имперских протестантских сил имперским католическим» (Прокопьев, 2020: 129).

Подводя итоги начальному периоду войны, историк отмечает, что, разгромив чешских диссидентов, «корона (династия Габсбургов. – В.П.) отважилась не только на демонтаж последних прибежищ радикальной оппозиции, но и на взлом всего предшествовавшего баланса сил на уровне элиты». Успешные действия армии Валленштейна, армии императорской, не лигистской, подвели точку в двусмысленной ситуации, которая образовалась с переходом инициативы в борьбе с радикалами к католической Лиге. «Имперская армия явно доминировала над силами Лиги», а значит, «“двоевластия” с Лигой более не существовало» (Прокопьев, 2020: 131).

Но действительно ли император стремился к тому, чтобы добиться установления режима абсолютной власти в Империи, в чем его обвиняли протестанты и следовавшие за ними «младогерманские» историки? На этот вопрос автор «Тридцати-

летней войны» дает четкий и недвусмысленный ответ: действия императора были продиктованы стремлением «реализовать основные властные полномочия во имя авторитета и реальной силы короны» (Прокопьев, 2020: 133), то есть, по сути, император всего лишь попытался наполнить реальным содержанием те полномочия, которые полагались ему по неписаной имперской «конституции» – собрать воедино власть, как это сделали, к примеру, московские государи Иван III, его сын и его внук (Пресняков, 1918). Куда могла быть направлена эта власть – об этом можно спорить, но вот то, что протестанты, в особенности князья, были изрядно напуганы и озлоблены чрезмерным, по их мнению, усилением короны и тем курсом, который был взят Веней на восстановление не только духа, но и буквы Аугсбургского компромисса, не подлежит сомнению. Следовательно, делает вывод А.Ю. Прокопьев, и с этим трудно не согласиться, продолжение боевых действий становилось неизбежным, равно как и сохранение прежнего «немецко-имперского» характера войны, изменить который не смогло ни вмешательство Дании, ни грядущее вступление в войну Швеции.

В шестой главе, «От Регенсбурга до Праги: 1630–1635 гг.», автор «Тридцатилетней войны» подробно анализирует развитие событий в ходе «шведского» этапа конфликта. Здесь он снова подчеркивает, что, хотя этот период войны и носит название «шведского», однако вмешательство Густава Адольфа не имело бы такого успеха и таких последствий, если бы не поддержка и готовность продолжить борьбу за погранные «вольности» со стороны имперских «чинов» – «почва для продолжения трагедии уже была подготовлена собственно имперской конъюнктурой» (Прокопьев, 2020: 135). И кровопролитие, учиненное в эти годы войсками враждующих сторон, по мнению автора работы, ничего не изменило в природе конфликта – он продолжал оставаться прежде всего и в первую очередь «имперско-немецким».

Впрочем, подводя итоги этого этапа войны, он все же отметил, что «внешние силы» (подразумевая под ними прежде всего Швецию и Францию) «уже настолько глубоко вторглись в имперскую систему, что гарантировать без них достигнутый мир не представлялось возможным», тем более что предпринятая в мае 1635 г. в Праге попытка урегулировать внутриимперские противоречия оставила за бортом кальвинистов, и последние были готовы принять любую помощь извне (Прокопьев, 2020: 198).

Седьмая глава книги, «Консолидация и кризис пражской системы: 1635–1641 гг.», посвящена событиям первого этапа заключительного, франко-шведского, периода Тридцатилетней войны. В описании боевых действий в эти годы, которое дает А.Ю. Прокопьев, подчеркнем фактор, на который редко обращают внимание, точнее, на его воздействие на ход войны. Речь идет о логистике, снабжении действующей армии провиантом, фуражом и, конечно же, деньгами. Последствия затянувшегося более чем на полтора десятилетия конфликта давали о себе знать: содержать большие армии становилось все труднее всем участникам войны, и оттого боевые действия приобретали все более и более нерешительный характер, затягиваясь на неопределенное время (при этом громкие победы никуда не исчезли). И перспектив скорейшего замирения внутри Империи на горизонте не предвиделось, ибо противоречия, вызвавшие конфликт, так и не были урегулированы.

Однако мало-помалу перевес все же оказался на стороне антиимперской коалиции. В восьмой главе А.Ю. Прокопьев показывает, как стремление Габсбургов добиться во что бы то ни стало победы и тем самым ускорить заключение мира на их условиях привело лишь к серии обидных неудач, обусловленных не в последнюю очередь острым дефицитом талантливых военачальников в имперских войсках и постепенным истощением ресурсов, прежде всего финансовых. Сама Империя была

основательно разорена войной и не могла дать нужных средств, а финансовая помощь Мадрида Вене постепенно иссякала. Как результат, достигнутый в Праге компромисс стал рушиться. Здесь А.Ю. Прокопьев снова подчеркивает свою позицию: хотя война все более интернационализировалась, тем не менее, «условием и ее хода, и ее окончания оставались прежде всего внутригерманские проблемы» и «способность имперской элиты договориться оставалась решающим аспектом» (Прокопьев, 2020: 233).

Девятая глава, «Долгий путь к миру», начинается с любопытного вступления. Отметив, что общее разорение и опустошение Империи в результате войны и сопряженных с ней бедствий стало общим местом в исторических сочинениях, посвященных Тридцатилетней войне, А.Ю. Прокопьев подчеркивает, что страдания эти коснулись не только простонародья, но и «имперские сословия и прежде всего высшая знать все больше теряли в своей репутации: страшное опустошение наследственных земель и повседневные лишения влекли за собой удар по самым видимым составляющим статуса». «Под ударом оказались вековые ценности», – продолжает далее историк, – поступиться которыми нельзя, «и конечной, самой желанной целью стал не поиск нового решения, а лишь реставрация старого порядка: условий, возвращавших сословную идентичность» (Прокопьев, 2020: 238, 239). Автор снова погружает читателя в антропологический аспект истории Тридцатилетней войны, что выгодно отличает его работу от предыдущих исследований на эту тему, выходящих в нашей стране. Отметим любопытный момент: здесь (впрочем, как и в других местах повествования) напрашивается аналогия с русской Смутой, закончившейся тогда, когда началась Смута немецкая.

Также обратим внимание на интересную деталь, касающуюся собственно военных действий на заключительном этапе Тридцатилетней войны, которую замечает

А.Ю. Прокопьев. Характеризуя военное противостояние в эти последние годы конфликта, историк отмечает изменение их характера. «Новый этап борьбы [...] можно вообще считать характерным для последних военных лет: теперь сражения ведутся меньшими по размеру армиями – по причине все растущей нехватки денег и невозможности нормального продовольственного снабжения», – пишет он. «Ни в одной крупной битве друг с другом отныне не мерялись силами более 30000 человек в совокупности» (и это при том, что в начале войны армии насчитывали много больше – тот же Валленштейн сумел собрать в свою первую каденцию имперским генералиссимусом почти сто-тысячную армию). Как результат, «операции становятся мелкими, быстрыми и частыми, генеральных встреч стараются избегать, равно как блокады крупных городов» (Прокопьев, 2020: 242). Впрочем, стоит ли этому удивляться? Ставка на генеральное сражение уже не раз подводила и имперцев, и их противников – даже победа могла обойтись слишком дорого, не говоря уже о поражении. Длительная осада также стоила недешево и могла привести к тому же генеральному сражению, которое теперь, в изменившихся к худшему условиях, становилось невыгодным. В общем, переход к «малой» войне и войне на истощение стал неизбежен, а это неминуемо вело к затягиванию боевых действий, ибо быстро завершить войну комариными укусами было проблематично, если противник был готов терпеть лишения и дальше, полагая, что мир может оказаться хуже войны.

Дорога к миру, которая оказалась долгой и сложной, описывается А.Ю. Прокопьевым в десятой главе «Тридцатилетней войны». И растянулась эта дорога на шесть лет: хотя мирный конгресс должен был собраться еще весной 1642 г., реальный прорыв произошел спустя три года; по мнению автора «Тридцатилетней войны», не в последнюю очередь после того, как серия серьезных военных неудач 1644–1645 гг. не оставила перед

императором другого выхода, кроме как искать спасения того, что еще оставалось у него в руках, в мирных переговорах практически на любых условиях. Обращает на себя внимание любопытный пассаж исследователя, касающийся особенностей переговорного процесса. «Мир собирались заключить страны, принадлежащие к кругу единой европейской цивилизации», – пишет он и отмечает далее, что «при всех конфессиональных различиях и всей крайней нетерпимости, явленной в войне и даже позже, мы должны понимать: расколотая в религиозном отношении Европа не переставала существовать как единая модель, формировавшая относительно общее социокультурное пространство». Более того, «Реформация и Контрреформация удивительным образом не только разъединяли, но и сближали», ибо «принадлежность к сообществу христианских держав лежала в основе всех теоретико-правовых конструкций». Наконец, подводит итог этому рассуждению А.Ю. Прокопьев, «не следует забывать: договаривались элиты, почти сплошь представленные знатью», представители которой смотрели на мир практически одними глазами (Прокопьев, 2020: 268).

Не менее любопытными представляются наблюдения автора книги, касающиеся мотивации участников мирных переговоров. Он пишет, что «мир не мог породить принципиально новой модели, он мог лишь вернуть к балансу репутаций и чести», поскольку «однажды созданный волей Всевышнего миропорядок не мог измениться за счет упразднения его элементов», это было бы абсурдом с точки зрения тогдашних политиков и дипломатов – «Бог не может противоречить сам себе» (Прокопьев, 2020: 271). Принимая во внимание уровень религиозной экзальтации того времени, когда еще не угас полностью религиозный пыл, вызванный Реформацией и последовавшей за нею Контрреформацией, этому вряд ли стоит удивляться. Если разговор в конечном итоге сводился так или иначе к восстановлению прежнего миропорядка и удовлетворению поправной

чести и достоинства с выплатой соответствующих компенсаций, территориальных, финансовых и иных, то нетрудно было предугадать и сам ход переговоров, и его особенности – достижение договоренностей, способных удовлетворить всех участников обещало быть непростым и многотрудным, тем более что в рамках «войны как процесса» боевые действия продолжались и, по словам А.Ю. Прокопьева, «баланс оставался все еще зыбким: успехи и неудачи на фронтах могли существенно влиять на исправления, казалось бы, согласованных статей (будущего договора)...» (Прокопьев, 2020: 275).

Собственно говоря, именно так и получилось под самый занавес войны, о чем автор «Тридцатилетней войны» и рассказывает в конце этой главы. Он опровергает мнение, что конец войны обе враждующие стороны встретили совершенно истощенными, и от того ситуация сложилась патовая. Нет, утверждает А.Ю. Прокопьев, «превосходство коалиции [антиимперской. – В.П.] было подавляющим, причем не только численным и материальным, особенно финансовым [благодаря Франции. – В.П.], но и моральным: шведы настолько часто выходили из схваток победителями, что перспектива встречи с ними уже сеяла неуверенность у императорских и баварских генералов». Не говоря уже о том, что они контролировали ключевые города и области в Германии и угрожали самой Вене, так что «даже если бы весть о мире не прекратила бойню осенью 1648 г., шведы и французы могли повторить ее следующей весной, причем за счет неприятельских территорий» (Прокопьев, 2020: 287). В этой ситуации императору и его советникам не оставалось ничего иного, как идти на все новые и новые уступки с целью ускорить заключение мира, и если в конечном итоге не оказалось потеряно все, кроме чести, то только благодаря усилиям главного переговорщика с имперской стороны графа М. Траутсмандорфа (о роли которого и его тактике на переговорах подробно рассказывает автор) и его помощников.

Последняя, одиннадцатая глава «Тридцатилетней войны» посвящена анализу итогов войны. Автор исследования подошел к этому вопросу комплексно, рассмотрев результаты растянувшегося на три десятка лет конфликта с разных сторон. Исследователь вновь выдвигает тезис, который в корне отличается от устоявшейся точки зрения. Согласно последней, Вестфальский мир открыл новую страницу в международных отношениях и вообще стал чуть ли не началом новой эры в политике и пр. Однако А.Ю. Прокопьев утверждает обратное: задав вопрос: «Во имя чего подданные императора воевали тридцать лет?», он дает на него парадоксальный, на первый взгляд, ответ: «Война, начавшаяся в 1618 г., вернулась к 1648 г. к своей исходной точке» (Прокопьев, 2020: 295).

Это утверждение как будто противоречит известному высказыванию Б. Лиддел Гарта, который в своей классической «Стратегии непрямых действий» писал, что «Цель войны – добиться лучшего, хотя бы только с вашей точки зрения, состояния мира после войны» (Лиддел Гарт, 1999: 386). Однако не будем торопиться, поскольку, как показывает автор «Тридцатилетней войны», на самом деле противоречия нет: хотя, на первый взгляд, Вестфальский мир и стал «реставрацией» Аугсбургского религиозного компромисса, но не совсем. В исправленной и дополненной «редакции» 1648 г. прежний «биполярный» католическо-протестантский мир был дополнен третьим «полюсом», кальвинистским. В этом отношении Вестфальский мир действительно стал «лучше» (в особенности с точки зрения кальвинистов, приложивших, кстати, немалые усилия для того, чтобы Тридцатилетняя война стала реальностью и именно как 30-летняя).

Рассматривает в последней главе своей книги А.Ю. Прокопьев и дискуссионный вопрос о последствиях войны для населения и экономики Империи. В своих оценках людских потерь он осторожен, подчеркнув, что распределение их по регионам и землям Империи весьма и весьма

неравномерно – одни, как, например, Померания или Вюртемберг, пострадали очень сильно, другие, подобно северной Вестфалии, существенно меньше. «Впрочем, – подытоживает автор исследования, – здесь нет ничего удивительного: самые опустошительные бедствия всегда оставляют место для оазисов благополучия» (Прокопьев, 2020: 297).

Интересен анализ состояния имперской экономики и тенденций ее послевоенного развития, сделанный автором. «Долгая война не привела к революционному слому или резким переменам», – пишет он, напротив, «она лишь усилила или притормозила процессы, обозначившиеся в ее канун». Связано это было, по его мнению (и с этим трудно не согласиться), с тем, что «тяжесть войны и огромные потери исключали порыв к поиску новых форм хозяйственной жизни», для чего был необходим «длительный созидательный отдых – под покровом реставрации старого закона» (Прокопьев, 2020: 300). Любопытно, что автор проводит параллель между Россией после Смуты начала XVII в. и Германией после 1648 г. – Империя, равно как и Россия, после тяжелейшего испытания «не могла испытывать тяги к переменам, реформаторскому подвижничеству элит и интеллектуальному кипению» (Прокопьев, 2020: 300).

Отдельный раздел в одиннадцатой главе посвящен изменениям в военном деле, которые произошли в 1618–1648 гг. Автор указывает на важную переменную в военной экономике – наметившийся переход к массовому производству оружия и амуниции: «Впервые в Европе мы наблюдаем рождение – правда, на короткое время – громадных комплексов производства военной продукции» (Прокопьев, 2020: 301). Нельзя также не отметить и критический подход автора к характеристике тактических новаций времен Тридцатилетней войны и той роли, которую сыграл, согласно традиции, во внедрении новых приемов ведения войны король Швеции Густав Адольф (Прокопьев, 2020: 301-302,

303-304, 305-306). Впрочем, как уже было отмечено выше, А.Ю. Прокопьев предпочел и здесь не вдаваться в глубокий анализ военных новшеств 1618–1648 гг., оставив это тем историкам, которые занимаются подобными проблемами более профессионально.

Отдельно А.Ю. Прокопьев касается также того влияния, которое оказала Тридцатилетняя война на развитие немецкой культуры – в равной степени литературы, музыки и в особенности гравюры и живописи, а также формированию образа войны в коллективной памяти имперского общества в послевоенные годы.

Подводя общий итог своим наблюдениям над историей Тридцатилетней войны, в «Заключении» к своей книге историк отмечал, что, во-первых, виновниками войны были прежде всего люди, «ответственные за принятие решений», а если быть более точным, то «логика их поступков, вытекавшая из мировоззрения и ценностных категорий». При этом автор книги четко и недвусмысленно придерживается той точки зрения, согласно которой не имеет смысла искать в истории Тридцатилетней войны параллелей с современным миром. Эта война, пишет А.Ю. Прокопьев, не была ни «религиозной», ни «политической» ни тем более «экономической», и «ее совершенно невозможно разложить на составляющие причины и тем более, как иногда пишут, на противоположные полюса», ибо и в начале конфликта, и в конце его и человек, и общество практически не изменились в своей ментальной основе и смотрели на мир под одним и тем же углом зрения (Прокопьев, 2020: 326). Вполне естественным выглядит при таком подходе и общий вывод автора относительно характера Вестфальского мира: вопреки общепринятому мнению А.Ю. Прокопьев утверждает, что он не породил нового права и, следовательно, не может считаться полноценной предтечей новой эпохи в международных отношениях. В этом отношении историк присоединяется к многочисленным отечественным критикам

традиционной трактовки Вестфальского мира (см.: Куприянов, 2019а; Куприянов 2019b; Фархутдинов, 2019).

Во-вторых, еще раз подчеркивает автор, «Тридцатилетняя война была прежде всего имперско-немецкой войной», и «вмешательство иноземных держав, особенно сильное после 1635 г., едва ли могло состояться со столь трагическим размахом, не будь давних болезней самого немецкого общества» (Прокопьев, 2020: 323). Оставляясь верным заданному в самом начале книги тезису, А.Ю. Прокопьев подчеркивает, что, хотя Тридцатилетняя война четко делится на четыре фазы, тем не менее, эти фазы «не накладываются на классическое деление» конфликта на чешский, датский, шведский и франко-шведский ее периоды. Несмотря на интернационализацию войны и активное вмешательство в ее ход соседних держав, в особенности во второй ее половине, «внешний фактор, вмешательство извне лишь оттеняют здесь внутреннюю логику развития» (Прокопьев, 2020: 325). От себя же мы добавим, что в этом отношении снова можно провести параллель Смуты имперской со Смутой русской – обе они выросли из противоречий, вызревших на родной почве, а внешнее вмешательство лишь усугубило внутренние проблемы и затянуло их разрешение. И еще один вывод автора обращает на себя внимание: А.Ю. Прокопьев отмечает, что впечатления от колоссальных потрясений, которые германское общество испытало в годы Тридцатилетней войны, наложили неизгладимый отпечаток на коллективную память немцев: «Больше в Германии внутренних смут, подобных тридцатилетней, не повторится». Соседям Германии, той же Франции или России, предстоит пройти через подобные испытания в будущем, однако Германию второй такой катаклизм минует (Прокопьев, 2020: 327–328).

Подведем общий итог. Исследование А.Ю. Прокопьева, написанное легким и доступным языком, представляет собой новое слово в отечественной традиции изучения Тридцатилетней войны и вместе

с тем серьезный шаг вперед, разительно отличаясь в лучшую сторону от прежних работ новизной подхода и неординарностью полученных выводов. Автора книги можно покритиковать за преимущественное использование наработок немецкой историографии в ущерб той же англосаксонской историографии, однако этот недостаток можно понять, если учитывать его позицию относительно характера конфликта. Отдельные досадные опечатки отнюдь не портят положительного впечатления от книги, которую можно смело рекомендовать всем, кто интересуется не только историей Священной Римской империи, но и историей европейского раннего Нового времени. Без преувеличения, ни одно новое исследование по истории Тридцатилетней войны, которое выйдет в будущем в России, без учета работы А.Ю. Прокопьева не может считаться полноценным.

Литература

Алексеев, В.М. Тридцатилетняя война. Л.: Гос. учебно-педагог. изд-во Министерства просвещения РСФСР, Ленингр. отделение, 1961. 183 с.

Вайнштейн, О.Л. Россия и Тридцатилетняя война 1618-1648: Очерки из истории внешней политики Моск. государства в первой половине 17-го в. М.: Госполитиздат; Л.: Тип. «Печ. Двор», 1947. 216 с.

Дельбрюк, Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. IV. Новое время. СПб.: Наука, Ювента, 1997. 367 с.

Кризис и трагедия континента. Тридцатилетняя война (1618-1648) в событиях и коллективной памяти Европы / науч. ред., сост. Ю. Е. Ивонин, Л. И. Ивоина. М.: Транслит, 2015. 564 с.

Куприянов, А.В. «Вестфальский миф» и «Вестфальский суверенитет» // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4. С. 11-23.

Куприянов, А.В. «Вестфальский миф»: история и критика // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 3. С. 37-50.

Лиддел Гарт, Б. Стратегия не прямых действий // Лиддел Гарт, Б. Энциклопедия военного искусства. М.; СПб.: АСТ – Terra Fantastica, 1999. С. 21-410.

Митрофанов, В.П. Рец. на кн.: Кризис и трагедия континента. Тридцатилетняя война (1618–1648) в событиях и коллективной памяти Европы. / науч. ред., сост. Ю. Е. Ивонин, Л. И. Ивонина. М.: Транс-Лит, 2015. 564 с. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 1 (37). С. 147-150.

Ницше, Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше, Ф. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 158-230.

Поршнева, Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М.: Наука, 1976. 435 с.

Пресняков, А.Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Петроград: Тип. «Я. Башмаков и К^о», 1918. 458 с.

Прокопьев, А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555-1648. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. 483 с.

Прокопьев, А.Ю. Кризис и война. Итоги 1648 года // Всемирная история. Т. 3. Мир в раннее Новое время. М.: Наука, 2013. С. 604-608.

Прокопьев, А.Ю. Тридцатилетняя война. СПб.: Наука, 2020. 385 с.

Прокопьев, Ю.А. Тридцатилетняя война под взглядом политолога // Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 2018. Вып. 4 (1). С. 139-168.

Разин, Е.А. История военного искусства XVI–XVII вв. СПб.: ООО «Полигон», 1999. 736 с.

Фархутдинов, И.З. Доктрина о Вестфальской мирной системе: мифы и реалии // Евразийский юридический журнал. 2019. № 6 (133). С. 21-31.

Фильошкин, А.И. Ливонская война или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. Сб. науч. ст. М.: Квадрига, 2010. С. 80-94.

Elliott, J.H. A Europe of Composite Monarchies // Past & Present. 1992. № 137. The Cultural and Political Construction of Europe. P. 48-71.

Koenigsberger, H.G. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale // Theory and Society. 1978. Vol. 5 (2). P. 191-217.

Lynn, J. The French Wars 1667-1714. The Sun King at War. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 2002. 96 p.

Munkler, H. Der Dreissigjahrige Krieg. Europäische Katastrophe, Deutsches Trauma 1618–1648. Berlin: Rowohlt, 2017. 978 p.

References

Alekseev, V. M. (1961), *Tritsatiletnyaya voyna* [The Thirty Years' War], Gos. uchebno-pedagogicheskoe izdatelstvo Ministerstva prosveshheniya RSFSR, Leningradskoe otdelenie, Leningrad, Russia (in Russ.).

Del'bryuk, G. (1997), *Istoriya voennogo iskusstva v ramkakh politicheskoy istorii, T. IV* [History of military art in the framework of political history, Vol. 1], Novoe vremya, Nauka, Yuvventa, St.-Petersbourg, Russia (in Russ.).

Elliott, J. H. (1992), "A Europe of Composite Monarchies", *Past & Present. The Cultural and Political Construction of Europe*, 137, 48-71.

Farkhutdinov, I. Z. (2019), "The Doctrine of the Westphalian Peace System: Myths and Realities", *Eurasian Law Journal*, 6 (133), 21-31 (in Russ.).

Filyushkin, A. I. (2010), "Livonian War or Baltic Wars? On the question of the periodization of The Livonian War", *Baltiyskiy vopros v kontse XV–XVI vekov. Sbornik nauchnykh statey* [Baltic question at the end of the 15th–16th centuries. Collection of scientific articles], Kvadriga, Moscow, Russia, 80-94 (in Russ.).

Koenigsberger, H. G. (1978), "Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale", *Theory and Society*, 5 (2), 191-217.

Krizis i tragediya kontinenta. Tritsatiletnyaya voyna (1618-1648) v soby'tiyakh i kollektivnoj pamyati Evropy [The crisis and tragedy of the continent. The Thirty Years' War (1618-1648) in the events and collective memory of Europe] (2015), TransLit., Moscow, Russia (in Russ.).

Kupriyanov, A. V. (2019), "'Westphalian myth' and 'Westphalian sovereignty'", *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 4, 11-23 (in Russ.).

Kupriyanov, A. V. (2019), "'Westphalian myth': history and criticism", *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 3, 37-50 (in Russ.).

Liddel Gart, B. (1999), "Strategy of indirect actions", *Entsiklopediya voennogo iskusstva* [Encyclopedia of military art], AST–Terra Fantastica, Moscow-Leningrad, Russia, 21-410 (in Russ.).

Lynn, J. (2002), *The French Wars 1667-1714. The Sun King at War*, Osprey Publishing LTD, Oxford, Great Britain.

Mitrofanov, V. P. (2016), "The crisis and tragedy of the continent. The Thirty Years' War (1618-1648) in the events and collective memory of Europe, in Ivonin, Yu. E., Ivonina, L. I. (ed.) (2015), TransLit, Moscow, Russia", *University proceedings. Volga region. Humanities*, 1 (37), 147-150 (in Russ.).

Munkler, H. (2017), *Der Dreissigjahrige Krieg. Europäische Katastrophe, Deutsches Trauma 1618-1648*, Rowohlt, Berlin, Germany (in German).

Nicshe, F. (1990), "About the benefits and harms of history for life", in Nicshe, F. *Sochineniya v dvukh tomakh. T. 1* [Nietzsche, F. Works in two volumes. Vol. 1], Mysl', Moscow, Russia, 158-230 (in Russ.).

Porshnev, B. F. (1976), *Tritsatiletnyaya vojna i vstuplenie v nee Shvetsii i Moskovskogo gosudarstva* [The Thirty Years' War and the entry of Sweden and the Moscow State into it], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Presnyakov, A. E. (1918), *Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva. Ocherki po istorii XIII-XV stoletiy* [Formation of the Great Russian state. Essays on the history of the XIII-XV centuries], Tipografiya Ya. Bashmakova i Ko., Petrograd, Russia (in Russ.).

Prokopiev, A. Yu. (2008), *Germaniya v epokhu religioznogo raskola. 1555-1648* [Germany in the era of religious schism. 1555-1648], Publishing House of St.-Petersburg University, St.-Petersbourg, Russia (in Russ.).

Prokopiev, A. Yu. (2013), "Crisis and war. Results of 1648", *Vsemirnaya istoriya. T. 3. Mir v rannee Novoe vremya* [World History. V. 3. The world in Early Modern], Nauka, Moscow, Russia, 604-608 (in Russ.).

Prokopiev, A. Yu. (2020), *Tritsatiletnyaya vojna* [The Thirty Years' War], Nauka, St.-Petersbourg, Russia (in Russ.).

Prokopiev, A. Yu. (2018), "The Thirty Years' War as viewed by a political scientist", *Proslogion: Problemy sotsialnoy istorii i kultury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni* [Proslogion: Problems of Social History and Culture of the Middle Ages and Early Modern Times], 4 (1), 139-168 (in Russ.).

Razin, E. A. (1999), *Istoriya voennogo iskusstva XVI-XVII vekov* [History of the military art of the 16th – 17th centuries], Poligon, St.-Petersbourg, Russia (in Russ.).

Vainshtein, O. L. (1947), *Rossiya i Tritsatiletnyaya vojna 1618-1648: Ocherki iz istorii vneshney politiki Moskovskogo gosudarstva v pervoy polovine 17-go veka* [Russia and the Thirty Years' War of 1618-1648: Essays from the History of Foreign Policy Moscow State in the first half of the 17th century], Gospolitizdat, Pechatniy dvor, Moscow-Leningrad, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskoy@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vitaliy V. Pensky, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015; Russia; penskoy@bsu.edu.ru